Д. Е. Цыкалов

ОБРАЗ «РУССКОГО МЕДВЕДЯ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КАРИКАТУРЕ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ИЮЛЬ 1914 – ФЕВРАЛЬ 1917)

«В Вологодской Губернии, далеко на северо-востоке, в стране обитаемой племенем Зырян, есть городок с 3,500 жителями, называемый Усть-Сысольск. В этом городке, лежащем в местах мало обитаемых, расстоянием в 1,598 верстах от Петербурга, от Москвы в 1,318 верстах, проезжих вовсе не бывает, а кто хочет побывать в Усть-Сысольске, милости просим ехать туда нарочно. Выгода та, что там можно выучиться по-зырянски, потому что все тамошние коренные жители, хотя и русского происхождения, знают этот язык. Мы получили из Вологды письм, в котором один Вологодский житель пересылает нам письмо, писанное к нему приятелем, перемешанное с зырянскими словами и целыми речениями, и просит нас напечатать это письмо в «Северной Пчеле», для доказательства, что хотя Воложане называют жителей Усть-Сысольска *медведями,* но это название вовсе несправедливо, потому что и просвещение и общежитие быстро распространяется в этом городе. Всего письма напечатать нельзя, потому что оно слишком длинно, но о содержании его мы с удовольствием упоминаем в доказательство, что и в пустынном Усть-Сысольске можно жить приятно», — писал редактор петербургской «Северной Пчелы» Фаддей Булгарин в заметке опубликованной 10 марта 1854 года [24]. Особо восхищался автор честностью зырян и страстью их к учению, замечая, что в городке развивается образование, есть даже женское училище и любительский театр. Усть-Сысольцы умеют танцевать современные танцы «под фортепиано»: польки, мазурки, кадрили и вальсы, дамы одеваются по последней моде, снимая фасоны из петербургских журналов. «В употреблении» у горожан даже французский язык, но больше говорят п-русски, и отчасти по-зырянски». Городская аристократия — двадцать семейств — устраивают периодически музыкальные и литературные вечера. Заключает журналист здравицей за усть-сысольцев: «Честь и слава городу, с 3,500 душ жителей и двадцатью образованными семействами, составляющими высшее общество! Душевно радуемся, что просвещение, образованность и общежитие распространяются быстро и повсеместно в нашем любезном отечестве. Да здравствуют Усть-Сысольск!»

Усть-Сысольск был известен петербургским газетчикам тем, что там за публикацию «философического письма» П. Чаадаева отбывал ссылку редактор журнала «Телескоп» Н.

Надеждин. Описание столицы зырян у Булгарина, однако, столь оптимистично, что невольно возникают сомнения в подлинности изложеных фактов и даже подозрение, не причастно ли к корреспонденции III отделение императорской канцелярии (о близости к которой «Северной Пчелы» и лично Булгарина писали революционеры-демократы) [13]? К сожалению, проверить приведенные в газете сведения нет возможности. Однако сейчас это город с населением 240 тысяч человек, столица республики Коми (в 1930 году Усть-Сысольск был переимнован в Сыктывкар); в рейтинге социального самочуствия регионов России за 2013 год республика имеет высокий балл, занимая 16 место из 79 [8]. А вот упомянутая страсть жителей этого края к учению имеет впечатляющее подтверждение — Питирим Сорокин.

Письмо опубликовано во время Крымской войны. Как следует из текста, просвещенные усть-сысольцы, будучи патриотами (автор описывает, например, как горожане по своей инициативе организовали сбор пожертвований в пользу раненных моряков Черноморского флота), относились к прозвищу «медведи» отрицательно — даже несмотря на то, что изображение медведя в берлоге украшало герб города. Трудно предположить, что на восприятие горожан повлияли европейские карикатуры того времени, где «царь леса» символизировал русское «варварство», против которого воевал «цивилизованный» Запад. Корреспондент упоминал о том, что жители выписывают столичную прессу, однако об иностранных журналах и альбомах в письме ничего нет. Скорее всего, усть-сысольцам просто не нравилось представление об их городе как о «медвежьем угле» — глухом, захолустном местечке. Впрочем, о шовинистических стереотипах и «газетных утках», запускаемых против России англо—французской пропагандой, образованные усть-сысольцы знали наверняка из той же «Северной Пчелы». Так, например, в декабре 1853 года газета перевела с французского отзыв театрального критика Жюля Жанена о русофобском спектакле «Казаки» из репертуара парижского театра Гетё. В пьесе, вызвавшей в Петербурге бурю возмущения, было немало гротескных персонажей, вроде казаков-свечкоедов. Не обошлось без «снежных и ледяных орд», а также травли белых медведей, которых избивали «дубиною и ногами» [22]. А, буквально за неделю до публикации письма из Усть-Сысольска 2 марта 1854 года петербургский газетчик, разоблачая англичан, вновь упоминает о белом медведе: «Дело Англии не темно: заступничество за независимость старой индюшки Турции, которая теперь, под пение Галльского петуха, пищит в когтях леопарда, было пустым предлогом, чтобы придраться к России». В примечаниях автор объяснял читателям происхождение османского образа: «По-английски индейка называется Turkey. И во всех карикатурах Турция представляется в виде индейки, которую душит белый медведь» [23]. Антирусские рисунки «Панча» были хорошо известны в Петербурге, где английские карикатуры даже переиздавали в целях контрпропаганды [33, с. 471]. Речь, скорее

всего, идет о карикатуре Джона Тенниела «Турция в опасности» (правда, в оригинале русский медведь не белый, как писала «Северная Пчела», а бурый).

Через год после публикации этого письма в Москве и Петербурге были изданы альбомы военных карикатур русских художников, но и в них медведь спросом не пользовался, во всяком случае, он не фигурирует в описаниях карикатур, нет его и в переизданных рисунках [14; 28 – 30; 35].

Во время осады Севастополя особенно была популярна гравюра «Тяжел русский мужик кулаком и весом». В центре этого рисунка — огромные весы. На одной чаше стоит крепкий мужик в шапке-ушанке и дубинкой в руках. Хотя впечатление тяжеловеса он не производит, его вес велик, поскольку масса народу на другой чаше — французские генералы, английские адмиралы, наемники Сардинии и турки-иноверцы — не в состоянии перевесить его ни на грамм. В России для весов применяли гири в виде пушечных ядер с ручкой; обыгрывая это сходство, художник нарисовал, как союзники бросают ядра по противоположной чаше весов, целясь в русского, однако мужик остается непоколебим [2, с. 89; 35, с. 44].

Как отмечают А. де Лазари и О. В. Рябов, изданную во время Крымской войны «Историю Святой Руси» Густава Доре открывал рисунок, под которым сообщалось: первый русский появился на свет от греховного союза моржихи и белого медведя [10]. Сильный и устойчивый «мужик-тяжеловес», не зверь, не получеловек, а славный представитель людского рода, на отечественной гравюре выглядит как «наш ответ» французам.

Несмотря на героическую оборону, Севастополь был взят и Крымская война проиграна Россией. Война обнаружила архаичность социально-экономического уклада страны. Началась модернизация (было отменено крепостное право, учрежден суд присяжных и земства, правда, через 20 лет реформы сменили контрреформы, но к 80-м гг. XIX века в стране успел произойти промышленный переворот и ее экономика была на подъеме). Во внешней политике Россию больше занимали теперь Дальний Восток и Средняя Азия, где, в конечном счете, ее интересы сталкивались с американскими и японскими. Что касается Европы, то здесь Россия заключила союз с Францией (позже к ним присоединилась Англия) и оказалась во вражде с Центральными державами (Германией, Австро-Венгрией и Италией). Противоречия между великими державами привели к новым войнам.

Таким образом, во второй половине XIX века для Запада «русский медведь» мог выступать уже не только как враг, но и как союзник. В России образ медведя был также неоднозначен: одно дело — «Медведь на воеводстве» Салтыкова-Щедрина (жестокий, жадный, ленивый пьяница и самодур), совсем другое — медведь как защитник России от внешних врагов на карикатурах в отечественных журналах. Интересно, что подобные изображения впервые

встречаются в период нового «Восточного кризиса» — русско-турецкой войны 1877 – 78 гг. [20].

В начале XX века количество карикатур с Россией-медведем в российских изданиях значительно увеличивается [4, с. 29]. Образ медведя при этом остается двойственным [21]. Бум же медвежьей темы приходится на годы войн и революций. Настоящая статья посвящена образу русского медведя в период Первой мировой войны. В ее основу легли рисунки карикатуристов петроградских газет «Новое время» и «Биржевые ведомости». Карикатуры рассмотрены по хронологическому принципу. Временные рамки исследования: июль 1914 года – февраль 1917 года.

***

Рис. 1

зображения медведя в российских изданиях появляются с первых дней войны. Например, журнал «Новый Сатирикон» посвятил началу боевых действий карикатуру «Германия готова»: страдающей мегаломанией кайзер Вильгельм приказывает немцу Михелю посадить в стальную клетку французского петуха, британского льва и русского медведя, не желающих признавать владычество Гогенцоллернов [19, с. 8]. На страницах «Нового времени» русский медведь появляется в карикатурах сентября 1914 года. Летом русская армия, чтобы ослабить натиск немецких войск на Францию, атаковала немецкую армию на территории Германии в Восточной Пруссии.

В дебюте перевес был на стороне русских, но итогом, после того как немцы укрепили фронт за счет переброски дивизий с Запада стал разгром. На другом фронте — против Австро-Венгрии — русская армия действовала более успешно. Осенью была занята большая часть Галиции. Художник аллегорически изобразил ситуацию в карикатуре «На охоте», где нарисовал Германию и Австро-Венгрию в виде медвежатников, встретивших лицом к лицу огромного рассерженного травлей русского медведя (Рис. 1)[1]. Крошка-австриец, пятясь назад, говорит рослому немцу, который толкает его прямо на красавца-медведя: «Ой, дяденька, лезет!..» На рисунке могучая медвежья голова как бы вырастает из гребня бегущей штормовой волны, готовой поглотить горе-охотников. Чтобы усилить образ бури, художник рисует

[1] Автор — князь Эдмон Адамович Сулиман-Грудзинский (1854—1916), художник батального жанра. Рисовал также эскизы для росписи фарфора, создал свой мир образов, изображая северные равнины и леса с их обитателями, русских витязей.

на горизонте скалистый берег и летящую над морем стаю чаек. В карикатуре интересна связь медведя и волны, природной стихии. Образы волны, стихии, лавины в военной публицистике обычно обозначали мощь и силу мужицкой армии [3]. Английский историк Рой Дуглас, поместивший рисунок «На охоте» в свою книгу «Великая война глазами карикатуриста», справедливо обращает внимание на выборочное восприятие художника: тот замечает победу, но закрывает глаза на поражение [34, с. 16]. Однако едва ли от карикатуриста можно ждать иного отношения. Русское общество, как и остальные народы Европы, приняло войну, пацифистов и пораженцев было немного. Так же с первых дней войны во всех странах-участницах конфликта была введена цензура. Карикатура оказалась на службе у пропаганды, для которой замалчивание неудач своей армии — обычная практика. Задача пропаганды заключалась в «духовной мобилизации» населения, что достигалось, с одной стороны, наделением «своих» позитивными чертами, с другой, — проецированием на народы и правительства неприятельских стран всевозможных шовинистических стереотипов в максимально доходчивой форме.

Так, в российской публицистике были широко распространены идеи о «расовой несовместимости» и «вечной вражде» славян и немцев. Война трактовалась как «вторая отечественная», противоборство добра и зла. Вот как эту мысль выразил Василий Розанов: «Исполин пошел на исполина. За нашей спиной — все славянство, которое мы защищаем грудью. Пруссия ведет за собой всех немцев, и ведет их к разгрому не одной России, но всего славянства. Это — не просто война; не политическая война. Это борьба двух миров между собой. Да не будет малодушия между нами. Сейчас одна мысль: о единстве, крепости духа, твердом стоянии перед врагом. Будем все как один человек, будем как в войну 12-го года» [17]. На противопоставлении немцам в годы Первой мировой войны строилась русская/славянская идентичность. Эти представления опирались на фольклор. Часто, например, упоминалась поговорка: «русскому — здорово, а немцу — смерть»[1]. Эта антитеза определенно лежит в основе сюжета рисунка «На охоте», на ней построена большая часть военных карикатур с медведем. Рельефно это противоположение представлено на хронологически следующем за карикатурой «На охоте» рисунке «Нового времени» «Святочное гадание с зеркалом» (Рис. 2)[2]. Художник здесь обыгрывает распространенный в сатирической графике стран Антанты образ ночного кошма-

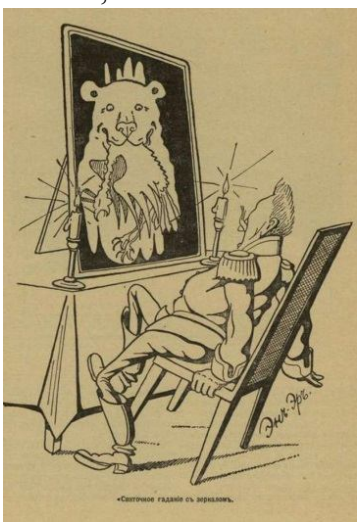

Рис. 2

[1] Ф. Булгарин, ссылаясь на рассказ генерала И. И. фон Клугена, утверждал, что поговорка придумана Суворовым после победоносного штурма Праги, предместья Варшавы в 1794 году [25].
[2] Подпись: Эн—Эр.

ра кайзера. Заглянув в зеркало, Вильгельм падает со стула, увидев немецкого орла в пасти русского медведя-царя, т.е. свою погибель. Заметим, что медведь на карикатуре не бурый, а белый: карикатурист, очевидно, намекал на русские морозы, предрекая, таким образом, императору Германии судьбу армии Наполеона в России. Интересно, что образ медведя-«привидения» в карикатуре коррелирует с народными представлениями. Зима — пора медвежьей спячки, которая в традиционной культуре воспринималась как временный уход лесного зверя в потусторонний мир [7, с. 70].

Карикатура «Святочное гадание с зеркалом» вышла в первые дни нового 1915 года. После вступления осенью в войну Османской империи — союзницы Германии, Россия вынуждена была сражаться одновременно уже на три фронта. На Кавказе накануне Рождества была одержана крупная победа, успех внушал в Петрограде оптимизм, и карикатура отражала эти настроения. Но, надежды не оправдались.

К началу 1915 года противникам стало понятно, что расчет на блицкриг провалился, битва будет затяжной. Началась позиционная война, борьба на истощение, иногда прерываемая затяжными наступательными действиями. Германские командиры решили в 1915 году сосредоточить основные усилия на восточном фронте с целью вывести Россию из войны. Летом русская армия, потерпев крупные поражения на австро-германском фронте, вынуждена была оставить Галицию и Польшу. Однако германский план разгрома русской армии не был выполнен. В конце августа, чтобы поднять боевой дух армии Николай II решил лично возглавить войска. Ценой огромных потерь к осени русским удалось остановить продвижение германцев и «принудить их к зимнему позиционному сидению» [6, с. 344].

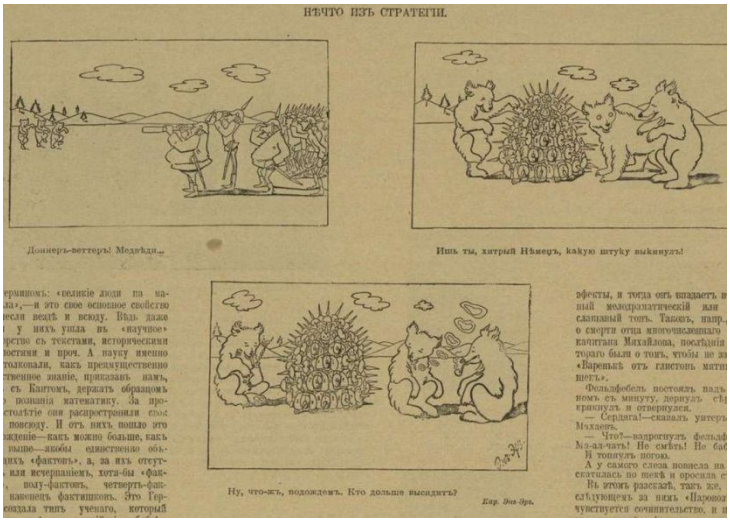

Рис. 3

Тут после 10-месячного перерыва снова встречаем медведя — даже трех, причем, говорящих. Новую фазу войны на восточном фронте иллюстрирует скетч «Нечто из стратегии» (Рис. 3)[1]. В первом «кадре» крупным планом гротескные немецкие генералы и солдаты внимательно смотрят вперед. Из-за леса, из-за гор на горизонте появляются три марширующих в их направлении белых медведя. «Донер-ветер! Медведи…» — Говорит

[1] Автор: Эн—Эр.

немецкий командир. На следующем рисунке медведи подходят поближе и видят, что немецкая армия ощетинилась острыми пиками железных касок, свернулась в ежиный клубок. «Ишь ты, хитрый Немец какую штуку выкинул!» — смеются медведи, трогая лапами «пикельхельмы». Противоборство медведя и ежа в зарубежной карикатуре обычно трактуется в пользу последнего. Медведю, мол, и хочется, и колется [11, с. 159]. Заключительный «кадр» скетча «Нечто из стратегии», однако, опровергает это клише. Медведи садятся вокруг немецкого ежа и закуривают трубки: «Ну что ж подождем. Кто дольше высидит?».

Карикатура построена на сюжете сказки «Три медведя». Немцы, таким образом, играют здесь роль «незваного гостя», забравшегося в дом и застигнутого на месте вернувшимися хозяевами. Однако, в отличие от сказочной Маши, немцы не убегают, а занимают оборону, съежившись от страха.

Карикатурист рисует образ немецкой «стратегии», обыгрывая ряд народных представлений о немцах. Фольклор называл «немцем» любого иностранца, а не только человека, чей родной язык немецкий. Немцы — все не говорящие по-славянски европейцы. Человек, который говорит на непонятном языке или молчит, кажется подозрительным и лукавым. В русских поговорках собранных В. И. Далем говорится о заезжих иноземцах: «Голь на выдумки торовата» или «Немец хитер: обезьяну выдумал». В русской литературе XIX века встречается соответствующая интерпретация фольклора, в которой подчеркивается интеллектуальное превосходство русских над иностранцами, отождествляемых с гаерами и фокусниками: «ты, немец, обезьяну, говорят, выдумал, а я, русский, в одну минуту всю твою выдумку опроверг», — писал М. Е. Салтыков-Щедрин. Ф. М. Достоевский замечал: «Немцы являются (к нам) с разными великанами и великаншами, с ученым сурком или обезьяною, нарочно выдуманною ими для русского удовольствия» [5; 13]. Не исключено, что происхождение этих образов связано с «медвежьей комедией». Так в Европе называли номера с медведями, которые бродячие циркачи показывали на городских ярмарках, где он часто выступал в паре с обезьяной. Как пишет В. М. Успенский: «неповоротливость и мощь лесного зверя сопоставлялась с импульсивностью экзотического примата» [31, с. 89]. В соответствии с фольклорной логикой и ведут себя персонажи карикатуры. Смешной немец полагается на технику и сталь, ему противостоит живой, большой, смышленый и добродушный, немного похожий на веселого черта остроухий русский медведь. Он оставляет немца с носом[1]. Русские публицисты, сравнивая немца и русского, часто использовали оппозицию «техника vs. природа и дух» [см., напр.: 27, с. 337][2].

[1] Острые уши медведей вызывают также в памяти строки «Бородино» Лермонтова: «у наших ушки на макушке».
[2] Справедливости ради следует заметить, что после поражений русской армии летом 1915 года некоторые публицисты пересмотрели свою позицию. Например, Николай Бердяев, рассуждавший в начале войны о победе

Скетч «Нечто из стратегии» обыгрывает эту идею. Еж олицетворяет Германию пушек и стали, медведь — природу и русский дух. Выбор персонажей удачен и для иллюстрации стратегии позиционной войны. Оба зверя впадают в спячку. Обычно медвежий сон ассоциируется с ленью, однако в природных условиях медведь по сравнению с ежом легок на подъем. Медведь лучше переносит зиму: температура тела, частота дыхания и обмен веществ у него снижаются мало. А вот ёж без достаточного запаса жира даже может во время спячки умереть, частота его пульса и дыхания значительно падают. Медведь быстро восстанавливается, еж не выходит из норы до апреля, пока воздух хорошо не прогреется. Примерно по такому сценарию и развивались дальнейшие события: компания 1915 года была за Германией, и теперь она готовилась к решающей схватке на Западе; в 1916 году, однако, германцы были ослаблены битвами на Востоке, тогда как Великобритания и Франция воспользовались передышкой и смогли не только выдержать удар, но и взять Германию измором, ну, а Россия-медведь показала себя способной к быстрому восстановлению.

В феврале – апреле кавказская армия одержала крупные победы, взяв две ключевые крепости Эрзерум и Трапезунд, открывавшие путь на Константинополь и в Малую Азию. А в мае русская армия повела мощное наступление в Галиции, названое историками «Брусиловским прорывом», в результате которого австро-венгерская армия была фактически выведена из войны. Карикатуры 1916 года показывают пробуждение медведя — он становится талисманом, символом успеха русских. Как, например, на фотографиях Русского экспедиционного корпуса во Франции и Салониках: улыбающиеся солдаты держат на поводке дрессированного медведя, по всей видимости, всеобщего любимца части [37, с. 293].

Рис. 4

Июльские «Биржевые Ведомости» комментируют победы в Галиции карикатурой под названием «Как думали о русском медведе в Австрии и что из этого вышло»: старый император Франц-Иосиф, выступая в цирке, кладет левую руку в пасть огромному белому медведю. «Теперь медведь обезврежен, он дремлет», — говорит австрийский дедушка невидимой пуб-

«духа над механикой», теперь предлагал тем, кто все еще противопоставлял «русскую святость немецкой промышленной технике», самим «повоевать в окопах безоружными, с голыми руками»[1, с. 462].

лике. Однако медведь на деле только ждет удобного случая откусить у «дрессировщика» конечность, что и делает. Дрессировать белых медведей очень рискованно, о чем такой опытный «дрессировщик», как Франц-Иосиф должен был знать… (Рис. 4)[1].

Сюжет о пробуждении сближает медведя с архетипом воскресающего божества [21]. Вряд ли, однако, можно всерьез говорить о «медвежьем культе» в России в годы Первой мировой войны. Типологически карикатура «Биржевых Ведомостей» близка к скетчу «Нечто из стратегии» и ее образы, скорее всего, также имеют отношение к «медвежьей комедии». С другой стороны, эта карикатура выражает аналогичную, что и рисунок «На охоте», идею: русского медведя лучше не будить.

В августе 1916-го медведь становится главным действующим лицом в карикатуре «Нового Времени» «Благодетель Польши», на планы немцев возвести на польский престол своего ставленника (рис. 5)[2]. После поражений Австро-Венгрия и Германия надеялись восполнить потери за счет польских новобранцев. Но международными соглашениями призыв в армию жителей оккупированных территорий был запрещен. Тогда в августе 1916 г. Берлин и Вена решили создать в Польше независимое союзное государство с собственной армией. Карикатурист представляет это событие, как трагедию для Польши. Он изобразил борьбу русского медведя и Вильгельма. Медведь в казачьей папахе стискивает в объятьях императора германцев. Под каблуком Вильгельма изображена польская женщина с ножом в спине. «Подай скорей мой нож, который я забыл у тебя в боку, обещаю за это в мужья одного из своих сыновей», — говорит германец Польше.

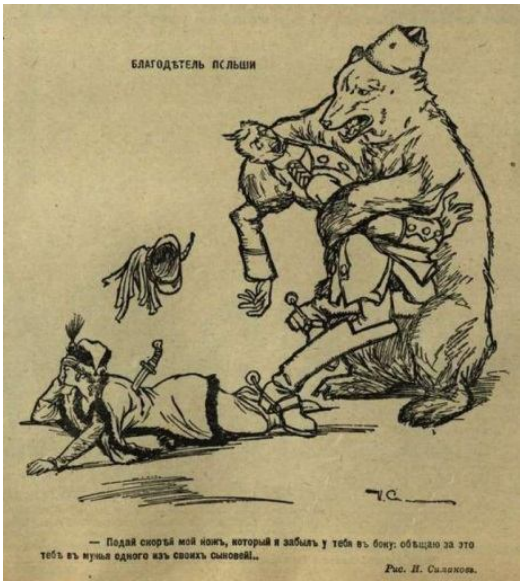

Рис. 5

Для понимания этой карикатуры вернемся к началу мирового конфликта. Война начиналась под знаменами славянского единства. В день объявления манифеста 2 августа 1914 сотни тысяч петербуржцев пришли к Зимнему дворцу с лозунгами: «Час славянства пробил» «Победа России и славянства», «Славяне, объединяйтесь». Славянофильские настроения рас-

[1] Подпись: Алов.

[2] Автор: Иван Васильевич Симаков (1877 – 1925) — архитектор, художник, плакатист. До революции выполнял экслибрисы, сатирические рисунки для журналов, иллюстрации, писал акварели. После революции работал в «Окнах сатиры РОСТА». Известен тем, что в 1917 году создал одну из первых натурных зарисовок В. И. Ленина, напечатанную в журнале «Лукоморье».

пространены были и в польских землях. Например, на карикатуре журнала «Муха» «Мы немцы не боимся никого кроме бога… и славян» польский офицер показывает испуганному немцу большой славянский кулак на фоне штыков и пушек [15]. Два месяца спустя, в октябре, когда под Варшавой шли упорные бои, московский журнал «Кривое зеркало» посвятил польской столице карикатуру «Варшавская сирена, Тевтонский фавн и русский кентавр». Рисунок сопровождал «гекза-пента-метр»: «Фавн сирену поймать в свои путы задумал. Замысел дерзкий разбил мощным ударом Кентавр. Но не Кентавра мечом любовные сети ковались. Сердце сирены пленил подвиг высокой души» [9]. Карикатура «Благодетель Польши», хотя и была нарисована двумя годами позже, уже после захвата Польши немцами, тем не менее, проникнута тем же характерным для раннего периода войны романтическим настроением. Образы медведя-казака и медвежьих объятий, широко распространены в западной карикатуре, начиная с Наполеоновских войн [31, с. 91, 98]. Однако, если в европейской сатирической графике медведь чаще всего откровенно похотлив, то здесь он предстает рыцарем, вступившимся за даму.

Таким образом, до Февральской революции образ медведя в российской карикатуре позитивен, несмотря на то, что большинство сюжетов заимствовано из зарубежной сатирической графики. Данный образ строился на противопоставлении немцу, которому приписывались негативные черты: трусость, глупость, слабость, коварство. Медведь, напротив, наделялся такими качествами как сила, добродушие, смекалка, благородство. В отечественных карикатурах обыгрывались сюжеты русских сказок, пословицы («русскому — хорошо, а немцу — смерть» или «немец хитер обезьяну выдумал»), идеи военной публицистики. В карикатурах также отражен ход боевых действий. Циклический образ жизни медведя хорошо укладывался в стратегию позиционной войны. Пропаганда представляла медведя символом русской природы и духа, противоположного пушкам и машине — символам культуры немецкой. Однако символом победы медведь не стал. В результате революционных событий 1917 года Россия вышла из войны, а оставшиеся участники мирового конфликта принялись делить «медвежью шкуру». Образ «русского медведя» вновь сделался двойственным [21]. Произошедшие в его характере перемены могут быть предметом специального исследования.

Список литературы и источников:

1. Бердяев Н. А. Россия будущего перед проблемой духа и материи // Бюллетени литературы и жизни. 1916. Январь. № 9. Литературный отдел.

2. Варшавский Л. Р. Русская карикатура. — М.: ОГИЗ – ИЗОГИЗ, 1937. — 148 с.

3. Витязев П. Русская армия и ее особенности // Бюллетени литературы и жизни. 1915. Сентябрь. № 2. Литературный отдел. — С. 92 – 97.

4. Голиков А.Г., Рыбачёнок И.С. Смех — дело серьёзное. Россия и мир на рубеже XIX – XX веков в политической карикатуре. — М.: Институт российской истории РАН, 2010. — 328 с.

5. Даль В.Пословицы и поговорки. — М.: ОЛМА – ПРЕСС, 1999. —— 612 с.

6. Зайончковский, А.М. Первая мировая война. — СПб.: Полигон, 2002. — 878 с.

7. Жепниковска И. Медведь в русской сказке: эскиз исследования проблемы // «Русский медведь»: История, семиотика, политика / под ред. О. В. Рябова и А. де Лазари. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — С. 62 – 71.

8. Комиинформ. http://www.komiinform.ru/news/103487/ (дата обращения 10.08.2013)

9. Кривое зеркало. 1914. 19 октября. (дата обращения 10.08.2013).

10. Лазари А. де, Рябов О. В. Россия — медведь. http://www.inosmi.ru/world/20080520/241458.html (дата обращения 10.08.2013).

11. Лазари А. де, Рябов О. В. Два медведя: государство и народ в польской межвоенной карикатуре // «Русский медведь»: История, семиотика, политика / под ред. О. В. Рябова и А. де Лазари. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — С. 150 – 166.

12. Литературная энциклопедия / под ред. В. М. Фриче, А. В. Луначарского. В 11 т. — М.: Издательство Коммунистической академии, Советская энциклопедия, Художественная литература, 1929 – 1939.

13. Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т. 1—2. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). — СПб.: тип. Ак. наук, 1896 – 1912. — 2208 с.

14. Москвитянин. 1855. Т. 3. — С. 171 – 72

15. Нива. № 37. 1914.

16. Нива. № 22. 1917.

17. Новое время. 1914. 20 июля (2 августа).

18. Новое время. Иллюстрированное приложение к газете. 1916. 31 декабря.

19. Новый Сатирикон. 1914. № 31.

20. Русский медведь: история визуализации // Сайт Центра этнических и национальных исследований ИвГУ, http://cens.ivanovo.ac.ru/russianbear/33—medveda—2009.htm (дата обращения 10.08.2013)

21. Рябов О.В. Охота на медведя: о роли символов в политической борьбе // Неприкосновенный запас. 2009. № 1. — С. 195 – 211.

22. Северная Пчела. 1853. 2 декабря

23. Северная Пчела. 1854. 2 марта

24. Северная Пчела. 1854.10 марта

25. Северная Пчела. 1854. 29 мая

26. Северная Пчела. 1856. 21 января

27. Слонимский Л. Критический момент // Вестник Европы. 1915. № 7.

28. Современник. Т.50. 1855. — С. 291 – 292

29. Современник. Т.52. 1855. — С. 159, 196.

30. Современник. Т.53. 1855. Анонс.

31. Успенский В.М. Типология изображений «русских медведей» в европейской карикатуре XVIII – первой трети XIX века // «Русский медведь»: История, семиотика, политика / под ред. О.В. Рябова и А. де Лазари. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — С. 87 – 104.

32. Ян Х. Ф. Русские рабочие, патриотизм и Первая мировая война // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917 г. (Материалы междунар. коллоквиума, 12—15 июня 1995 г.) / под ред. С. И. Потолова. — СПб.: Рус.— балт. информ. Центр БЛИЦ, 1997. — С. 379 – 396.

33. Cross A. The Crimean War and the Caricature War // The Slavonic and East European Review. 2006. Vol. 84, No. 3. — Pp. 460 – 480.

34. Douglas R. The Great War 1914 – 1918 — The Cartoonist's Vision. — L.; N. Y.: Routledge, 1995. — 165 p.

35. Edwards H. S. The Russians at home: unpolitical sketches. — L.: W. H. Allen and co, 1861. — 447 p.

36. Kunzle D. Gustave Dore's History of Holy Russia: Anti-Russian Propaganda from the Crimean War to the Cold War // Russian Review. 1983. Vol. 42, No. 3. — Pp. 271 – 299.

37. Le Corps Expéditionnaire Russe en France et à Salonique 1916 – 1918. — Paris: YMCA—PRESS, 2003. http://emigrationrusse.com/index.php?option=com_flippingbook&tmpl=component&&view=book&id=4&catid=1%3Alivres&Itemid=67&lang=fr (дата обращения 10.08.2013)

Список иллюстраций:

Рис. 1. Карикатура «На охоте» (Новое время. Иллюстрированное приложение к газете. 1914. 27 сентября).

Рис. 2. Карикатура «Святочное гадание с зеркалом» (Новое время. Иллюстрированное приложение к газете. 1915. 3 января).

Рис. 3. Карикатура «Нечто из стратегии» (Новое время. Иллюстрированное приложение к газете. 1915. 3 октября).

Рис. 4. Карикатура «Как думали о русском медведе в Австрии и что из этого вышло» (Новая иллюстрация. Художественно—литературный журнал, издаваемый при «Биржевых ведомостях. 1916. 27 июля).

Рис. 5. Карикатура «Благодетель Польши» (Новое время. Иллюстрированное приложение к газете. 1916. 27 августа).